

Б. Н. Чичерин

История политических учений

Часть 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 009
ББК 6/8
Ч-72

Ч-72 **Чичерин Б.Н.**
История политических учений: Часть 5 / Б. Н. Чичерин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 452 с.

ISBN 978-5-519-70944-6

продолжение XIX век

ISBN 978-5-519-70944-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Идеализмъ въ Германіи.

(Продолженіе.)

д. Абсолютный идеализмъ.

2. ГЕГЕЛЬЯНЦЫ.

Философія права Гегеля мало была разработана его учениками. Изъ ближайшихъ его послѣдователей полную систему выработалъ Мишле. Онъ изложилъ ее въ сочиненіи, изданномъ въ 1866 году подъ заглавіемъ: *Естественное право или Философія права* (Natturrecht oder Rechtsphilosophie, von C. L. Michelet). Нельзя, однако, сказать, что эта попытка была успѣхомъ въ наукѣ. Скорѣе она представляетъ искаженіе, нежели развитіе мыслей Гегеля. Мишле строго придерживается діалектической методы и формальнаго построенія системы своего учителя; онъ почти цѣликомъ усваиваетъ себѣ основныя его воззрѣнія на волю, на право и нравственность. Но въ политикѣ онъ склоняется къ демократіи, то-есть, вмѣсто сочетанія противоположностей, составляющаго существо идеализма, является опять односторонній индивидуализмъ. Это, очевидно, противорѣчитъ основнымъ воззрѣніямъ Гегеля. Хотя Мишле, подъ влияніемъ гегельянскихъ идей, самъ возстаетъ противъ односторонняго индивидуализма и требуетъ соглашенія личнаго начала съ общественнымъ, однако послѣднее является у него произведеніемъ перваго и сводится къ свободному товариществу (I, стр. 86—87). Поэтому онъ усваиваетъ себѣ лозунгъ современной демократіи: свобода, равенство и братство, которые онъ выдаетъ за коренныя начала права (стр. 137). Вообще, Мишле склоняется къ тому направленію, которое, подъ именемъ лѣвой стороны гегелевой школы, привело на-

конецъ къ матеріалистическому реализму и къ полному отрицанію философіи.

Въ отдѣльных частяхъ сочиненіе Мишле имѣетъ, впрочемъ, свои достоинства. Строгое или отвлеченное право разработано полнѣе, нежели у Гегеля, хотя здѣсь не встрѣчается ничего существенно новаго. Мораль же въ особенности подверглась тщательной переработкѣ. Мишле основательно отнесъ ученіе о винѣ и намѣреніи къ опредѣленіямъ общимъ праву и морали. Въ замѣнъ того, онъ ввелъ въ область морали ученіе о добродѣтели и объ обязанностяхъ. При всемъ томъ, и эта часть осталась далеко неудовлетворительною. Ученіе о добродѣтели Мишле прямо заимствовалъ у Аристотеля. Существо добродѣтели полагается въ подчиненіи влеченій разуму и самая добродѣтель въ соблюденіи середины между крайностями влеченій (стр. 256). Но у Аристотеля построеніе системы совершенно иное; мораль не является у него отвлеченно общимъ началомъ, противоположнымъ праву. Это противоположеніе было плодомъ позднѣйшаго развитія мысли. Поэтому и ученіе Аристотеля о добродѣтели нельзя было всецѣло прилагать къ новому воззрѣнію. Существо добродѣтели слѣдовало искать въ свойствахъ отвлеченно общаго начала, то-есть разума, а никакъ не влеченій. Самъ Мишле не находитъ возможнымъ подвести подъ это опредѣленіе высшую изъ добродѣтелей, мудрость. Онъ полагаетъ ее въ отрицаніи влеченій, что и составляетъ переходъ отъ добродѣтели къ обязанностямъ (стр. 267). Но если такъ, то добродѣтель перестаетъ быть силою, производящую добро; она является недостаточнымъ опредѣленіемъ, которое отрицается дальнѣйшимъ развитіемъ мысли. Ясно, что такой діалектический приѣмъ здѣсь не приложимъ. Умѣреніе влеченій, также какъ и ихъ отрицаніе, равно можетъ быть содержаніемъ и добродѣтели и обязанности. Эти два начала не отрицаютъ, а восполняютъ другъ друга: одно есть дѣйствующая сила, другое — управляющій дѣйствіемъ законъ.

Опредѣливши обязанность какъ отрицаніе влеченій, Мишле вслѣдъ за тѣмъ все-таки дѣлаетъ влеченія содержаніемъ обязанности. Основаніе то, что чистая обязанность — начало формальное, отвлеченно общее, а потому безсодержательное; всякое же опредѣленное дѣйствіе непременно относится къ какому-нибудь естественному влеченію, безъ котораго, слѣдовательно, обязанность обойтись не можетъ

(стр. 268). Мишле видитъ въ этомъ внутреннее противорѣчіе начала обязанности; но въ сущности противорѣчіе заключается только въ мысляхъ автора. Онъ бездоказательно утверждаетъ, что обязанность есть отрицаніе влеченій, и затѣмъ столь же бездоказательно утверждаетъ, что обязанность не можетъ имѣть иного содержанія, кромѣ влеченій. Если обязанность состоитъ въ исполненіи требованій разума, то оно имѣетъ и свое собственное содержаніе, именно, самыя эти требованія. Поэтому она отрицаетъ только тѣ влеченія, которыя противорѣчатъ этому содержанію, а не тѣ, которыя съ ними согласны. Никакая система обязанностей не отвергаетъ влеченія любви. Если обязанность требуетъ, чтобы побудительною причиною дѣйствія было общее начало, а не личная цѣль, то это признаетъ и Мишле, когда онъ говоритъ, что обязанности отличаются отъ влеченій только побужденіемъ (стр. 269). Но побужденіе есть цѣль, слѣдовательно содержаніе; влеченія же низводятся на степень средства, и это все, что требуется обязанностью. Противорѣчія тутъ нѣтъ никакого. Во всемъ этомъ построеніи справедливо то, что собственное содержаніе обязанности все-таки остается формальнымъ; но надобно было развить эти опредѣленія, а Мишле этого не сдѣлалъ, также какъ и Гегель. Въмѣсто того, онъ прямо далъ обязанности чуждое разуму содержаніе.

Вслѣдствіе такого взгляда Мишле не могъ развить третьяго, высшаго начала морали, именно, добра или совершенства. Онъ совершенство относитъ къ области влеченій (стр. 100, 269), между тѣмъ какъ это, очевидно, нравственная идея. У Гегеля, по крайней мѣрѣ, высшую ступень морали составляетъ отвлеченное начало добра; у Мишле же мы не находимъ ничего, кромѣ чисто субъективной совѣсти, которая, заключая въ себѣ возможность зла, оказывается недостаточною, а потому требуетъ перехода отъ морали къ нравственности (стр. 278 и сл.).

И такъ, если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обработка морали у Мишле представляетъ большую полноту, нежели у Гегеля, то во всякомъ случаѣ улучшение здѣсь незначительное. Въ основныхъ взглядахъ успѣха не видать. Еще менѣе можно одобрить развитіе начала нравственности (*Sittlichkeit*). Тутъ уже мы видимъ шагъ не впередъ, а назадъ. Самое построеніе этого начала представляетъ странную смѣсь противорѣчащихъ опредѣленій. Также какъ Гегель, Мишле ви-

дять въ нравственности сочетаніе права и морали; но у Гегеля это—начало общественное, развивающееся въ тройственности чловѣческихъ союзовъ; Мишле же не только строгое право и мораль, но и самую нравственность и даже семейство относитъ къ области личнаго права, въ противоположность которому общественное право развивается въ трехъ ступеняхъ, какъ система благосостоянія, какъ гражданское общество и какъ политика. Между тѣмъ, самъ Мишле, вслѣдъ за Гегелемъ, опредѣляетъ нравственность, какъ начало общее, выходящее за предѣлы единичной особи. Последняя перестаетъ здѣсь властвовать надъ содержаніемъ, но становится членомъ высшаго цѣлаго. Нравъ есть добро, ставшее привычкою въ благоустроенномъ обществѣ, вслѣдствіе чего дѣятельность отдѣльныхъ членовъ является выраженіемъ общаго духа и единичное лице становится представителемъ общей воли (стр. 286—288). Противорѣчіе тутъ слишкомъ очевидно.

Столь же несостоятельно отнесеніе семейнаго союза къ области личнаго права. Самъ Мишле, опредѣляя развитіе общественнаго начала, говоритъ, что въ семействѣ имѣется въ виду единство нравственной цѣли, при полной зависимости лицъ; съ разложеніемъ же семейнаго союза, лица снова приобрѣтаютъ самостоятельность, и тогда задачею ихъ становится возстановленіе утраченнаго единства, но уже путемъ свободы (II, стр. 2). Слѣдовательно, признается, что въ семействѣ лица имѣютъ менѣе самостоятельности, нежели въ экономическомъ и гражданскомъ обществѣ, а между тѣмъ первое относится къ области личнаго права, а оба другія къ праву общественному!

Это противорѣчіе не могло не отразиться и на ученіи объ общественномъ или публичномъ правѣ. Съ одной стороны, въ низшей своей формѣ, оно представляется какъ соединеніе интересовъ отдѣльныхъ семействъ, съ другой стороны, признается, сообразно съ дѣйствительностью, что имѣется въ виду благосостояніе отдѣльныхъ лицъ, которыя связываются только необходимостью сожителства (II, стр. 3).

Мы видѣли, что общественное право развивается у Мишле въ трехъ ступеняхъ: какъ благосостояніе или экономическій союзъ, какъ гражданское общество и, наконецъ, какъ государство. Отличіе экономического союза отъ гражданского общества онъ полагаетъ въ томъ,

что въ первомъ связъ лицъ является, только какъ внутренняя, безсознательная необходимость, въ силу взаимности интересовъ; во второмъ же эта связъ сознательная, хотя и тутъ имѣется въ виду благосостояніе отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлаго (тамъ же). Гражданское общество представляется также, какъ форма, осуществляющая содержаніе экономическаго союза (стр. 50). Ни то, ни другое отличіе не оправдывается, однако, изложеніемъ содержанія обоихъ союзовъ. Къ первому Мишле относитъ не только чисто экономическія отношенія, но и правосудіе, полицію и свободныя товарищества, однимъ словомъ, все то, что у Гегеля входитъ въ составъ гражданского общества. Ясно, что это болѣе, нежели безсознательная необходимость или безформенное содержаніе. Къ гражданскому же обществу онъ относитъ твердые союзы, округъ, общину и область, которые образуютъ связъ спеціальныхъ интересовъ. Но не видать, чѣмъ эти союзы отличаются отъ товариществъ, имѣющихъ въ рукахъ судъ и полицію. Экономическія товарищества прямо включаются въ составъ мѣстныхъ союзовъ, какъ подчиненные члены. Опрежденія Гегеля очевидно точны. Можно было экономическія отношенія отдѣлить отъ юридическихъ, какъ содержаніе отъ формы, но нельзя было сдѣлать изъ этого отношенія два разныхъ союза, и еще менѣе можно было къ первымъ отнести судъ и полицію, оставивъ для гражданского общества одни мѣстные союзы. Тутъ исчезаетъ всякое ясное различіе. Поводомъ къ такому раздѣленію послужило, повидимому, чисто формальное требованіе. Такъ какъ семейство было отнесено къ области личнаго права, то приходилось замѣнить его чѣмъ-нибудь другимъ для составленія трехъ ступеней въ развитіи общественнаго начала, и для этого Мишле прибѣгнулъ къ раздвоенію гражданского общества, отдѣливъ отъ него экономическія отношенія.

Еще менѣе, нежели формальное различіе союзовъ, удовлетворительно развитіе содержанія общественнаго права, начиная съ первой ступени. Свои экономическія идеи Мишле заимствуетъ главнымъ образомъ у Прудона и Бастіа, стараясь согласить *экономическія противорѣчія* перваго съ *экономическими гармоніями* послѣдняго. Мы впослѣдствіи разберемъ воззрѣніе Прудона и знаменитый споръ его съ Бастіа. Здѣсь достаточно сказать, что Мишле, держась системы Гегеля, видитъ въ развитіи экономическихъ отношеній стремленіе къ окончательной гармоніи путемъ противорѣчій; но эту гармонію онъ

полагаетъ не въ приложеніи соціалистическихъ идей, чѣмъ онъ существенно отличается отъ Прудона и другихъ соціалистовъ, а въ развитіи полной свободы, согласно съ мыслями Бастіа. Главнымъ для этого орудіемъ должно служить свободное товарищество (стр. 87—8, 131—2). Но тутъ же оказывается недостаточность этого начала, ибо экономическая гармонія, по мысли Мишле, должна осуществиться посредствомъ суда и полиціи, то-есть, двухъ учрежденій по существу своему не свободныхъ, а принудительныхъ. Спрашивается: какое свободное товарищество можетъ имѣть право арестовать человѣка, наказать его, издавать обязательныя полицейскія постановленія (стр. 127), однимъ словомъ, дѣлать все то, что, по самому понятію, принадлежитъ только общественной власти? Будь эта власть выборная или назначаемая сверху, характеръ ея не измѣняется. Принужденіе же все же остается принужденіемъ, а не свободой. Самые мѣстные союзы Мишле превращаетъ въ добровольные. «Всѣ жители округа,—говоритъ онъ,—которые добровольно о томъ заявляютъ, образуютъ собственно этотъ союзъ, ибо принудить къ тому, разумѣется, никого нельзя. Всѣ способные имѣть голосъ члены, къ которымъ мы предварительно причисляемъ однихъ взрослыхъ мужчинъ, устанавливаютъ въ общемъ собраніи основной законъ, избираютъ начальниковъ союза, даютъ согласіе на взиманіе денегъ, разсматриваютъ отчеты и т. д.» (стр. 152). Мишле не говоритъ, какъ поступаютъ съ остальными, которые о себѣ не заявляютъ: подчиняютъ ли ихъ установленнымъ правиламъ или предоставляютъ имъ право дѣлать что хотятъ? Внимаютъ ли съ нихъ деньги, на примѣръ, на мщеніе, на освѣщеніе улицъ или запрещаютъ имъ ходить по улицамъ мощенымъ и освѣщеннымъ на чужой счетъ? Очевидно, что добровольный мѣстный союзъ возможенъ только на весьма низкой ступени развитія, а съ этимъ вмѣстѣ вся теорія Мишле оказывается несостоятельною. Свободныя товарищества играютъ весьма важную роль въ развитіи экономическихъ отношеній, но они одни отнюдь не способны водворить всеобщую гармонію интересовъ, а еще менѣе можно основать на нихъ гражданскій порядокъ.

Проводя послѣдовательно свою мысль, Мишле самое государство подводитъ подъ тѣже начала. «Община,—говоритъ онъ,—есть, вообще, государство въ маломъ видѣ, и по существу своему не отличается отъ послѣдняго... Вся задача заключается въ томъ, чтобы

эти ленькія вольныя государства соединить въ большое цѣлое государственной жизни» (стр. 159). Первый шагъ къ тому составляетъ область (der Kreis), которая образуется изъ соединенія общинъ одного племени, также какъ государство образуется изъ соединенія нѣсколькихъ племенъ, представляя личность цѣлаго народа (стр. 159—165). При этомъ Мишле ставитъ общимъ правиломъ, что каждый частный союзъ самостоятельно удовлетворяетъ своимъ собственнымъ потребностямъ; высшіе же союзы представляютъ только совокупленіе низшихъ (стр. 160). Но когда онъ доходитъ до государства, у него неожиданно является чисто гегелевскій взглядъ, даже въ преувеличенномъ видѣ. Онъ видитъ въ государствѣ высшую ступень развитія свободы, гдѣ частные интересы семействъ, обществъ, сословій и племенъ частью исчезаютъ и частью сохраняются. Хотя государство, повидимому, вытекаетъ изъ семейства и гражданского общества, но въ сущности оно составляетъ ихъ основу. Частные интересы служатъ выраженіемъ общаго. Государство даетъ отдѣльнымъ лицамъ нравственное содержаніе и указываетъ имъ ихъ назначеніе въ жизни цѣлаго; лицо же является только формою, осуществляющею это содержаніе. И хотя въ дѣйствительности важно не отвлеченное понятіе, а его осуществленіе, но въ этомъ осуществленіи дѣло идетъ не объ удовлетвореніи личныхъ стремленій, а о томъ, чтобы лица находили высшій свой интересъ и цѣль своего бытія въ исполненіи совокупными силами общаго назначенія народа. Каждый народъ имѣетъ свое призваніе во всемірной исторіи. Осуществленіе этого призванія есть благо цѣлаго, составляющее высшій законъ для государства, законъ, которому должны подчиняться всѣ второстепенныя цѣли, однако не подавленіемъ ихъ во имя общаго начала, а приведеніемъ ихъ къ гармоническому соглашенію. Поэтому въ истинномъ государствѣ противоположеніе личныхъ цѣлей общественнымъ не имѣетъ смысла. Общая цѣль есть вмѣстѣ цѣль отдѣльныхъ лицъ, ибо въ цѣломъ лица находятъ высшее свое назначеніе (стр. 166—8).

Ясно, что этотъ взглядъ противорѣчитъ мыслямъ, положеннымъ въ основаніе всего развитія общественнаго права. Здѣсь частное является выраженіемъ общаго, тогда какъ тамъ общее являлось произведеніемъ и сочетаніемъ частнаго. И къ довершенію противорѣчія, вмѣсто того, чтобы, противопоставляя государство гражданскому обще-

ству, строить каждое на свойственныхъ ему началахъ, какъ дѣлалъ Гегель, Мишле самое построение государства основываетъ на началахъ, приличныхъ только гражданскому обществу. Развивши существо государства сообразно съ мыслями Гегеля, онъ снова возвращается къ индивидуализму, не замѣчая противорѣчія между тѣмъ и другимъ. Въ образцовомъ государственномъ устройствѣ, — говоритъ онъ, — «потокъ воли или свободы идетъ вообще снизу вверхъ» (стр. 196). Это именно тотъ взглядъ, который Гегель, по признанію самого Мишле, обвинялъ въ поверхностности, взглядъ, коренящемся въ чистомъ индивидуализмѣ и дѣлающій волю массы основаніемъ всего государственнаго устройства.

Вслѣдствіе этого, то идеальное государство, которое строитъ Мишле, вовсе не конституціонная монархія, какъ у Гегеля, а республика на самыхъ широкихъ основаніяхъ, въ которой всѣ власти общинъ истекаютъ изъ народа (стр. 185). Законодательство ввѣряется здѣсь собранію представителей, избираемыхъ всеобщею подачею голосовъ. Мишле утверждаетъ, что въ большинствѣ, скорѣе нежели въ меньшинствѣ, можно предполагать разумную волю, а если и случится, что меньшинство разумнѣе, то ему предоставляется возможность убѣдить большинство (стр. 179—180). Онъ не замѣчаетъ, что такое предположеніе возможно только при равной степени развитія всѣхъ членовъ государства, а никакъ не приложимо къ такому состоянію общества, гдѣ силою вещей, высшее образованіе составляетъ удѣлъ меньшинства, посвящающаго себя духовной дѣятельности, тогда какъ масса, по условіямъ земной жизни, имѣетъ своимъ назначеніемъ физическую работу. Мишле возстаетъ даже противъ системы двухъ палатъ, какъ противорѣчащей народному единству. Различіе интересовъ въ обществѣ должно быть представлено въ единомъ собраніи; иначе отдѣльный консервативный интересъ будетъ служить препятствіемъ прогрессу (стр. 182—3).

Правительственная власть, съ которою Мишле, по примѣру Гегеля, соединяетъ и судебную, вручается также выборному собранію, государственному совѣту, или сенату, составленному изъ представителей отдѣльныхъ областей. Ему принадлежитъ рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, въ которыхъ требуется приложеніе закона къ отдѣльнымъ случаямъ (стр. 172, 191, 195). Что же это за дѣла? На этотъ счетъ мы яснаго опредѣленія не находимъ. Каждый мѣстный союзъ и каждый отдѣль-

ный интересъ, какъ-то: земледѣліе, торговля, искусство, наука, церковь, самостоятельно управляютъ своими дѣлами; даже надзоръ со стороны государства совершенно устраняется. Последнему предоставляется только содержаніе войска, флота, внѣшнія сношенія и финансы (стр. 177, 191). Но и эти дѣла вѣдаются собственно не правительственною, а отличною отъ нея исполнительною властью (стр. 495). Что же остается дѣлать сенату? Мишле предоставляетъ ему: 1) рѣшеніе въ высшей инстанціи спорныхъ дѣлъ по всѣмъ частямъ управленія; 2) въ противорѣчіе съ предыдущимъ, управленіе собственно государственными интересами, къ которымъ онъ причисляетъ не только войско, внѣшнія сношенія и финансы, но также искусство, религію и науку. Кромѣ того на сенатъ возлагается подача необязательныхъ, впрочемъ, мнѣній обо всѣхъ законахъ и о дѣлахъ чисто исполнительныхъ, по которымъ исполнительная власть пожелаетъ имѣть сужденіе свѣдующихъ людей (стр. 191—4). Ясно, что тутъ собственно объ управленіи, ~~цѣль рѣши,~~ ~~кро~~ ~~отдѣльные~~ интересы всецѣло и безконтрольно ~~находятся въ рукахъ частныхъ и мѣстныхъ союзовъ;~~ въ общихъ же государственныхъ вопросахъ сенатъ играетъ только роль совѣтника. Собственно онъ остается лишь высшей судебной инстанціей.

Наконецъ, и такъ называемая исполнительная власть лишена всякой самостоятельности. Она является чисто служебною, слѣпымъ орудіемъ общей воли народа для охраненія закона (стр. 202). И несмотря на то, ее то Мишле дѣлаетъ представительницею воли государства, ибо, по принятой имъ схемѣ, законодательная власть изображаетъ собою умъ, правительственная—разсудокъ, а исполнительная—волю (стр. 172). Внутри государства задача последней не ограничивается охраненіемъ верховенства каждой отдѣльной сферы (стр. 202); но такъ какъ въ этомъ отношеніи всякое рѣшеніе зависитъ отъ сената, то ей предоставляется только выборъ способовъ исполненія (стр. 194). Во внѣшнихъ же сношеніяхъ и въ управленіи войскомъ она дѣйствуетъ подъ собственною отвѣтственностью; но и тутъ охраненіе внутренняго порядка ввѣряется мѣстнымъ войскамъ, состоящимъ подъ начальствомъ мѣстныхъ выборныхъ властей, а въ случаѣ народной войны, всеобщее ополченіе само выбираетъ своихъ начальниковъ (стр. 210); слѣдовательно, и военная власть доводится до ничтожества. Къ этому надобно прибавить, что потреб-

ныя на войска и на виѣшнія сношенія деньги всегда зависятъ отъ законодательной палаты (стр. 177—8). При такомъ положеніи исполнительная власть, конечно, можетъ быть только выборная. «Въ нашемъ государствѣ,—говоритъ Мишле,—мы до сихъ поръ всѣ сферы, стороны и власти производили изъ выбора; почему же эта одна должна составлять исключеніе» (стр. 206)?

Глава исполнительной власти назначаетъ министровъ, но такъ какъ они низведены на степень простыхъ орудій, то для парламентскаго правленія, разумѣется, нѣтъ мѣста. Мишле считаетъ его совершенно излишнимъ. Онъ требуетъ не только раздѣленія (*Theilung*) властей, но ихъ разобщенія (*Trennung*). Каждая въ своей области верховна и не вмѣшивается въ чужія дѣла (стр. 174, 178). Каждая власть, говоритъ Мишле, мететъ передъ своею дверью, почему и не можетъ быть между ними розни (стр. 188). Между тѣмъ, онъ отнюдь не допускаетъ механическаго отношенія и равновѣсія властей. Разобщенныя учрежденія должны тѣмъ не менѣе дѣйствовать согласно, чувствуя себя живыми членами единого организма (стр. 173, 175). Какимъ образомъ должно быть произведено это вождедѣльное согласіе, Мишле не говоритъ.

Это противорѣчіе завершаетъ собою всю цѣпь несообразностей, которыми переполнена эта система. Свободно начертанный первообразъ государства, какъ выражается Мишле, не имѣетъ ни теоретическаго, ни практическаго значенія. Мысли Гегеля, которыя являются тутъ безъ всякой связи съ остальнымъ, служатъ единственно къ тому, чтобы ярче выказать всю внутреннюю несостоятельность этого демократическаго идеала.

Надъ отдѣльнымъ государствомъ Мишле ставитъ союзное государство, затѣмъ надъ послѣднимъ союзъ государствъ, принадлежащихъ къ одной расѣ, наконецъ, все это завершается ареопагомъ человечества, которому, кромѣ охраненія мира по всей землѣ, поручается управленіе общими дѣлами всемірнаго искусства, всемірной религіи и всемірной науки (стр. 224—9, 244). Въ заключеніе изображается всемірно-историческое развитіе права, котораго цѣль состоитъ въ осуществленіи идеальнаго государственнаго устройства. Мишле хотѣлъ устранить упрекъ, который дѣлали гегелевской школѣ, будто она ограничивалась отвлеченными категоріями права, не проводя ихъ по историческимъ явленіямъ (I, стр. 83). Но, конечно, представлен-